

А. М. СКАБИЧЕВСКИЙ

Трагический элемент в сатирах Салтыкова

В первые два периода деятельности Салтыкова¹ смех преобладал в его сатирах над слезами. С одной стороны, время, крайне оживленное, располагало более к смеху, чем к плачу. С другой стороны, и сатирик был моложе. Понятно, что чем долее живет человек, глубже всматривается в жизнь и более выносит из нее горьких опытов, тем более является у него склонности к трагизму. Поэтому и у Салтыкова в позднейших сатирах, относящихся к семидесятым и восьмидесятым годам, мы видим более трагического элемента, чем в «Губернских очерках» или «Дневнике провинциала».

Этому соответствовал и характер семидесятых и восьмидесятых годов. Можно было осмеивать Прокопов, пока они обжирались и продавали последние выкупные свидетельства, ташкентцев, пока они были более смешны, чем страшны, и Молчалиных, пока разлад слов и дел приводил их лишь к смешному искажению образа и подобия Божия. Но в семидесятые годы стало уже не до смеху: мрачные тоны жизни сгустились. Перед Прокопами, успевшими все проесть, разверзлись грозные пропасти. Ташкентцы начали возбуждать не один смех, но и ужас. Молчалины же познали грозных и нелюбезных судей в лице своих подросших детей. И вот из-под пера Салтыкова начали выступать безутешные слезы, появился ряд очерков, в которых черная, как ночь, хандра доходит местами до безнадежного отчаяния. Это не байроновское разочарование, не скептический пессимизм современной французской беллетристики. Салтыков никогда не доходил до потери веры в человеческую природу вообще; он лишь оплакивал печальную судьбу своих современников, которые влачили жалкое существование, ничем не отличающееся от одиночного заключения в сыром, вонючем подвале, и, куда ни обертывались, всюду находили под ногами разверзавшиеся без-

дны, грозившие бесславною и позорною гибелью. Это не трагизм высоких, титанических страстей и экстраординарных сцеплений враждебных обстоятельств, который читатели созерцают с спокойным духом, радуясь за свою участь и соображая, что мало ли чего не бывает на свете, но они в своей скромной и незаметной жизни, со своею умеренностью и аккуратностью застрахованы от подобных ужасов. Салтыков раскрывает трагическое в повседневной будничной жизни, сплошь сотканной из мелочей и дрызг, и читатель с ужасом убеждается, что никто от этого трагического не застрахован. Такова, например, сатира «Похороны», в которой раскрывается перед нами трагизм жизни современного русского писателя. Мало того, что все хватающее вас за сердце описание литературных похорон в целом исполнено мрачного трагизма, — в редкой фразе, взятой в отдельности, не таится особенная трагедия, не раскрываются перед вами надрывающие душу факты, примелькавшиеся нам в жизни. <...>

Не менее трагичен рассказ «Дворянская хандра», в котором мы имеем дело с трагедией современного интеллигентного культурного человека. Всю жизнь он питался надеждами и всюду «совался». <...>

Замуравливание себя заживо в гроб интеллигентным культурным человеком, познавшим свою ненужность в жизни, и составляет содержание поистине гробового рассказа. Всего ужаснее здесь та пропасть, которая отделяет подобного живого мертвеца от крестьян, окружающих гроб его. <...>

Разве это не самая ужасная трагедия, присущая массе интеллигентных, культурных людей? «Лишние люди» — это вечная болячка русской жизни.

А вот вам и чиновничья трагедия в рассказе «Больное место». Старик Разумов, чиновник средней руки, всю жизнь тер трудовую лямку, наконец вышел в отставку с хорошей пенсией и чином тайного советника, но не совсем по своей охоте: его сковырнул с места новый начальник Губошлепов без всякого повода, просто так, чтобы показать, что он человек «системы». Разумов вернулся на родину, купил домик на Прохожей улице, устроил, ухитил себе гнездо на славу и думал: «Вот теперь-то начнется настоящий покой!» И действительно, «покой» начался, но не совсем тот, на который рассчитывал Разумов. Начался «покой» одиночного заключения, подавляющий, преисполненный безрассветной мглы, тот «покой», который, однажды захватив человека, окружает его непроницаемой стеной, без дверей, без окон. Сидит человек за этой стеной и ни о чем другом не мыслит, как лишь о том, что и в нем самом и вне его все кончилось...

Но главная трагедия в жизни Разумова заключается в сыне Степане, которого он любил, лелеял и тщательно воспитывал, потому что в нем видел единственную радость и счастье своей жизни. И вдруг в этом сыне ему пришлось найти грозного судью всего его служебного поприща. Он был вполне уверен, что он «мухи не обидел» в продолжение всей своей службы и всегда делал «дело» «по сущей совести». Но в массе «клочков», которые ежедневно перебирал Разумов, было достаточно таких, которые для одних оканчивались нравственной обидой, для других — материальными ущербам. Конечно, эти ущербы и обиды в мнении Разумова прикрывались представлением о «высшем интересе» («так быть должно»), но беда состояла в том, что он принимал это представление на веру и даже не пытался анализировать его составные части. Едва ли, впрочем, слова эти значили что-нибудь больше простого «приказания».

Это раздвоение официального и частного человека не обошлось даром Разумову. Оно привело сына его Степу к тому, что в один прекрасный день перед юношей встала следующая дилемма: прервать или с своими кровными убеждениями, или с отцом. Но любовь отца, ласки, которые он всю жизнь рассыпал перед сыном, его отеческие заботы и попечения об единственном детище — все это делало разрыв слишком жестоким и невозможным. И чтобы вырваться из этого лабиринта, Степе открылась одна дорога: самоубийство.

Таким образом здесь мы видим уже не такую бескровную трагедию, как предыдущая, а настоящую, кровавую. Перед нами раскрывается одно из тех многочисленных юных самоубийств, которые в продолжение последних 20 лет составляли самое заурядное явление жизни, и когда читаете вы эту трагедию, вам не до смеха.

Мы указали лишь на три наиболее резкие образца трагического элемента в сатирах Салтыкова. Но ими не исчерпывается проявление этого элемента, и читатель сам без труда в обилии найдет их в произведениях двадцати последних лет Салтыкова.

